

Сергей Кривошеев

Дорога номер пять

повесть и рассказы

Сергей Кривошеев
Дорога номер пять

«Автор»

2018

Кривошеев С. А.

Дорога номер пять / С. А. Кривошеев — «Автор», 2018

Главный герой повести полковник Сергей Гусев, бывший советский, а ныне — российский разведчик, столкнувшись с вопиющими фактами коррупции внутри страны и разрушительными замыслами и действиями зарубежных спецслужб, должен определить свое место в начавшейся борьбе.

© Кривошеев С. А., 2018

© Автор, 2018

От автора

Все события, которые легли в основу фабулы, и персонажи вымышлены, но так или иначе напоминают о временах, которые войдут в историю страны как годы великих потрясений.

...Начало 1990-х. Великая Советская держава, преданная ее руководителями, рухнула, погребенная под обломками ущербной идеологии, лежавшей в основе государственного устройства с 1917 года. «Доброхоты» из официальных и тайных международных организаций, которые были и остались враждебными России, не жалеют сил, чтобы прибрать ее к рукам, подчинить и включить в структуры «нового мирового порядка», где россиянам уготована роль жалких и бесправных рабов. В униженной и обескровленной стране, которую грабят всевозможные агенты влияния и олигархи, нажившие свое богатство бесчестным путем, осталась лишь одна сила, способная ее спасти. Это офицеры российских спецслужб, вооруженные историческим опытом своих предшественников из имперской разведки.

Главный герой повести полковник Сергей Гусев, бывший советский, а ныне – российский разведчик, столкнувшись с вопиющими фактами коррупции внутри страны и разрушительными замыслами и действиями зарубежных спецслужб, должен определить свое место в начавшейся борьбе. После мучительных раздумий Гусев принимает бой. Принимает не один: к такому же выводу вместе с отдельными сотрудниками приходят и все российские спецслужбы, избавленные наконец от надоевшей и мелочной партийной опеки. Им приходится противостоять не каким-то полумифическим «инакомыслящим», как несколько лет назад, а настоящему врагу, в союзе с которым действуют сепаратисты и террористы.

Дорога номер пять

Осень 1986 года уже была не совсем обычной. Снег выпал в конце сентября и лежал почти неделю на неопавших листьях деревьев, а потом резко сошел, вышло солнце, и тепло стояло до конца октября. Как и прежде, как уже много десятилетий на картошку, на капусту в подмосковные совхозы автобус за автобусом потянулись студенты и сотрудники безчисленных НИИ, а на улицах вновь, читая газеты, ждали мер по укреплению трудовой дисциплины – отлова празднующихся по магазинам и баням, но уже не по забегаловкам: выпить было нечего больше года, стоял полусухой закон, и после двух у некоторых – очень немногих – магазинов выстраивались очереди подлиннее, чем к мавзолею. «Лучше бы уж совсем запретили, чем вот так, – роптали в очередях мужики, – а то так, как во всем у нас – ни туды, ни сюды».

«Чего он медлит, надо сделать, как при Сталине – железный занавес, кончать бардак и поднимать промышленность. Вон Андропов начал», – говорили одни. «Хватит этого всего, хватит глотки затыкать, жить надо не по лжи, свобода нужна, как на Западе, частную собственность пора вводить, Андропов вон сказал, что мы сами не знаем общества, в котором живем, его за это и убили, ну, не убили, а лечить не стали, точно», – отвечали другие. И те, и другие были правы, и те, и другие были неправы, потому что и те, и другие не знали, о чем они вообще говорят. А у водителей-дальнобойщиков на переднем стекле стояло по два портрета – Иосифа Сталина и Владимира Высоцкого.

В октябре Горбачев отправился в Рейкьявик – на встречу с американским Президентом Рональдом Рейганом для подписания соглашения об ограничении стратегических вооружений. По правде говоря, надежды на подписание было мало. Рейган публично ругал Советский Союз империей зла, говорил, что единственный способ покончить с ней это уничтожить ее ракетами,

и в этом спасение всей христианской цивилизации, а однажды публично заявил, что уже объявил войну и ракеты с ядерными боеголовками летят на Москву. Только через час все поняли, что это была шутка. А советские газеты намекали, что вот-вот будет завершена американская противоракетная программа, которую называют Стратегическая оборонная инициатива или СОИ, и они смогут начать, поскольку ответный удар им теперь будет не страшен. Тем не менее, переговоры с американцами шли, и сам факт того, что Горбачев поехал, никого не удивил. Ездили и Хрущев, и Брежнев. Не ездил только Сталин и Андропов, про которого ходил анекдот: дескать, Брежнев работал на батарейках, а Юрий Владимирович подключен к сети.

Соглашения не подписали, но сообщение ТАСС было выдержано в привычных тонах: «Сегодня завершились официальные переговоры Генерального Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева с Президентом Соединенных Штатов Америки Рональдом Рейганом. В ходе совместной пресс-конференции стороны выразили убеждение в необходимости дальнейших переговоров по нормализации советско-американских отношений – в первую очередь переговоров по сокращению стратегических ядерных вооружений. Стороны выразили готовность и проч. – но на этой самой пресс-конференции – это заметили тогда все, кто смотрел ее по телевизору, а смотрели ее действительно все – лицо Президента сияло голливудской улыбкой, а лицо Генерального секретаря – нет, не сияло – печалью – бывает, когда лицо сияет печалью – а здесь – нет, не сияло, но печалью. Горбачев отводил глаза в сторону, прятал их, а когда глаза все-таки появлялись, было видно, что в них лишь страх. Страх безотчетный, такой, какой, бывает, охватывает в лесу в самый полдень.

Потом в Москве ходил говор, будто американцы напугали генсека инопланетянами, готовыми вот-вот высадиться на Земле и завоевать ее, а потому, дескать, нужно срочно создавать мировое правительство. Более же трезво мыслявшие на то отвечали: инопланетяне эти сами американцы, и все – вот СОИ доделают, и Союзу тогда кранты.

А в середине декабря Горбачев позвонил в Горький сосланному туда академику Сахарову и лично заявил ему, что опала снята, и великий правозащитник вместе с женой может вернуться в Москву.

В это время возле Горбачева все чаще появляется не железобетонный трезвенник и – по слухам – защитник русской деревни Егор Кузьмич Лигачев, а изгнанный еще Брежневым за поносные статьи против всех, кто вслух произносил имя России, в Канаду послом воинствующий марксист и одновременно ненавистник «реального социализма» Александр Яковлев, который как раз с осени все того же 1986 года стал «работать Суловым», то есть «сидел на идеологии».

На вид все пока что как было, как шло все эти последние десятилетия этого самого «реального социализма». С прищуром смотрел на своих внуков дедушка Ленин, скупые строки «В Политбюро ЦК КПСС» открывали выпуски «Правды», в майские и ноябрьские дни выходили на демонстрации – впервые за многие годы с искренней надеждой – наконец-то молодой Генеральный, он-то наведет все-таки порядок (одни), даст людям свободу (другие)! – заводы и учреждения, фабрики и институты, по-прежнему приходили разнарядки в Университеты марксизма-ленинизма, часы на Спасской отмеряли время.

* * *

20 декабря 1986 г. Колонный зал Дома Союзов. Празднование шестьдесят восьмой годовщины создания Комитета Государственной Безопасности СССР. На трибуне – председатель КГБ, пожилой, почти старый человек в безукоризненно сидящем костюме. На фоне большого, от пола до потолка портрета Феликса Дзержинского:

– Поздравляя вас, товарищи, с нашим общим юбилеем, могу вас заверить, что наша работа по охране безопасности нашей Родины, ее границ и ее национальных интересов пользуется полной и безусловной поддержкой нашей партии, ведущей сегодня очень непростую борьбу за совершенствование политической системы социализма, за мир и безопасность во всем мире...

Аплодисменты. Все встают. Среди вставших – лет сорока, коротко стриженный, плотный, чуть задумчивый – как и большинство в зале, в штатском, Сергей Андреевич Гусев, подполковник, заместитель начальника отдела КГБ, вернувшийся недавно из длительной заграничной командировки – аплодирует вместе со всеми, слегка улыбается, наклоняется к соседу, что-то ему говорит...

Когда заседание и концерт закончились и все уже спускались вниз, Гусева окликнули:

– Сергей!

Обернувшись, Гусев увидел старого друга Игоря Сазонова.

– Игорь, ну наконец-то! А я смотрел в зале, тебя вроде не было.

– Да, я к концу подъехал. Встреча была срочная.

– Я тебя, кстати, со звездой поздравляю. Обмыть надо это дело.

– Обмоем. Но не здесь. Здесь теперь нельзя.

– Да, я знаю. Обмоем на днях. Слушай, лучше скажи, почему Сахарова выпустили? Я что-то не совсем понимаю...

С Игорем Всеволодовичем Сазоновым Гусев учился еще в школе – то дрались, то мирились, а потом поступили в разные институты – Сергей в Бауманский, Игорь в МГУ, на исторический. Встречаться они тогда стали реже – все-таки и интересы уже были разные, но, тем не менее, раз пять в год встречались обязательно, в основном ходили по пиву, да в те молодые годы и не только по пиву, но и в поисках приключений – в парк Горького, было там такое кафе «Времена года». На пятом курсе прямо под выпуск оба неожиданно для себя и друг для друга женились и, отгуляв на свадьбах – Сергей в начале мая, Игорь в конце – были приглашены на разговор к одному и тому же Николаю Николаичу, и оба не отказались и были отправлены доучиваться разведпремудрости и – в срочном порядке, включая обучение во сне – языкам. Отучившись, они отправились на службу в разные подразделения – Гусев стал резидентом, работавшим под прикрытием торгпредства, а Сазонова распределили в Информационно-аналитическое управление. Впрочем, дружить они стали едва ли не крепче – и семьями, и на охоту да на рыбалку ездили всегда вместе.

– Давай не здесь, – минуту помедлив, проговорил Сазонов. – Завтра в середине дня съездим, в лесу поговорим, а потом заодно заедем в Архангельское, звезду обмоем – там никакого сухого закона.

В ельниках под Нахабином стоял морозец, но не крепкий. Найдя утоптанную лесную дорогу, остановились недалеко от поворота на Павловскую слободу, Сазонов поставил свою «Волгу» – на служебной решили не ехать, водитель свой, конечно, но кто его там знает? – береженого Бог бережет – закрыл ее на ключ, и они углубились под нависшие над ними усыпанные снежком лапы.

– На самом деле все очень сложно, – начал Сазонов. – Похоже, он там все сдал. И боюсь, что все predetermined. Обрати внимание, куда он перед тем, как стать Генеральным, отправился. В Англию. А наши с тобой британские коллеги, – усмехнулся Сазонов, – всегда затевают в России перемены – и отнюдь не в нашу пользу. Везде в учебниках пишут, что Иван Грозный сватался к Елизавете. А ведь все наоборот было. Она хотела с подачи Джона Ди – мага и создателя МИ-6, кстати – создать империю от Гренландии до Сибири – со столицей в Лондоне, а Россия стала бы «белой Индией». Но Царь все понял и ответил: ты, дескать, не королева, а простая девка, тобой парламент управляет. Ну и что? Вскоре умирает без особых к тому при-

чин. Потом при загадочных обстоятельствах убивают Скопина-Шуйского, Рюриковича, которому уже чин венчания на Царство был готов, а личным врачом Михаила Романова становится сын того Джона Ди, Артур, которого в России зовут Артемием Ивановичем Диевым. Романовы попадают на британский крючок, который позже, после победы над Наполеоном при Ватерлоо кстати, щедро оплаченной из кармана Ротшильдов, оказывается смазанным еще и этими деньгами. А когда при последних Романовых Россия стала выходить в первые державы, англичане их убрали, потому что Виндзорская династия хочет править всем миром – сама или через подставных лиц. Еще не факт, кто кем правит, – Америка Англией или Англия Америкой. Киссинджер – личный представитель королевы, а американских президентов меняет он – не он один, конечно. Ну, еще было много промежуточных, так сказать, эпизодов – убийство Павла, например, который хотел порвать старые романовские связи с Англией и идти в Индию, создать там отдельное королевство в составе общеконтинентальной империи, русско-японская война, или убийство Распутина. Это вообще дело темное. Мы изучали этот вопрос – учебники истории все врут. Почему врут? Кому это нужно? Одним словом, как еще товарищ Сталин говорил, «англичанка гадит». Теперь про Штаты. Эта их противоракетная система – чистый блеф, и мы об этом докладывали, а Горбачев им поверил, а не нам и струсил. Там, в Рейкьявике. Похоже, просто взяли на пушку. И вот вернулся, выпустил Сахарова. Для него самого это был удар. Тэтчер от него ничего подобного не требовала, хотя мы знаем давно, что ее цель сделать так, чтобы русских осталось всего миллионов пятнадцать – для обслуживания их инфраструктуры. Пока она об этом молчит, но когда-нибудь скажет прямо. А сейчас они с Рейганом работают, как у нас – один следователь добрый, это Тэтчер, а другой злой – Рейган. Обрати внимание: теперь уже называется не «ускорение», а «перестройка». Разницу чувствуешь? Одно дело – ускорение реальности и совсем другое – ее перестройка. Еще вот одно слово появилось – «демократизация социализма». А когда такое было? Правильно, в 1968 году в Чехословакии. А смотри, кого он сюда привез – Яковлева. А по нашим сведениям – да и не только по нашим, а и по эмигрантским, от наших источников в НТС, да и здесь ЦДЛ об этом болтает – он человек Давида Гольдштюкера. Помнишь такого? – (Гусев кивает). – И я помню. Архитектор 1968 года. И не только в Праге, но и во Франции. Мы тогда впервые стали защищать не социализм, а наши прямые национальные интересы, причем вместе с французскими коллегами. Весь этот студенческий бунт был распланирован и расписан ЦРУ вместе с Моссадом после того, как де Голль подогнал к Нью-Йорку корабль, набитый ящиками с долларами, и потребовал обезпечить их золотом, а потом объявил, что французский франк обезпечивается всем национальным достоянием, как у нас это сделал Сталин, и к тому же поддержал в 1967 году арабов. Он попросил нас тогда ударить по шестому флоту, но коммунисты наши струхнули, что будто бы он хотел посадить герцога Орлеанского, а у Брежнева очко заиграло. Понять надо было: больше коммунизм на Россию не работает, а работает на этих леваков французских и чехословацких, и на тех, кто за ними стоит, – жестко, как отрезал, сказал генерал Сазонов. – А ведь это Сталин уже в войну понял. А, может, и всегда понимал, есть у меня и об этом кое-что. Впрочем, кто его знает... Ты-то понимаешь, Сергей?

– Понимать-то понимаю, а по пионерлагерю и по линейке скучаю до сих пор.

– И я скучаю, и что теперь? Расчувствовались. Да, положение ужасное, но во всем этом есть один плюс. Мы можем попытаться, воспользовавшись всем этим разбродом, избавиться от опеки Компартии, которая мешала нам всю дорогу. Не на те дела направляла, а работать, так сказать, по специальности, – Сазонов улыбнулся – не давала. Не давала крупную рыбу ловить, а только мелочь заставляла гонять – выставки всякие, едри их в дышло – дрянь, но совершенно безвредны. Почему так? Потому что крупная рыба в самом ЦК и плавала там еще с хрущевских времен – весь международный отдел, например, и идеологический, кроме разве самого Суслова – этот наш был, потому и «реальный социализм» в противовес теориям придумал – работал на Атлантику. В газетах писал одно, а они себе уже тогда демократический социализм

придумывали. А это и есть сценарий развала. И нам сейчас ничего не остается, кроме как этим воспользоваться, чтобы настоящую Россию построить. Да, но тут сейчас начнутся главные издержки: если свалить партию окончательно, то посыпятся республики, – Гусев кивнул головой в знак согласия, – со своими суверенитетами. Эту бомбу сам Ильич заложил, а Сталин только потому партию стал усиливать, чтобы через единый механизм Российской империю удержать. Этой ситуации мы не можем допустить, что-то надо срочно делать, чтобы, когда КПСС падет – а она все равно падет, раз уже зашаталась и с Сахаровым спелась – стране не дать развалиться. Вот до чего я докопался, в аналитическом отделе служа...

– Да, Игорь, пожалуй, ты прав, как это все ни тяжело слышать, но тогда надо вместо партии, пока она еще у власти, вторую силу готовить, запасную. Засадный полк, так сказать. Если угодно, орден. Успеем?

– Вот это самый трудный вопрос. Можем и не успеть. Все уже поделено, все схвачено и за все уплачено. Я тебе еще более честно скажу: Сталин в тридцать седьмом коммунистов уничтожал, а заодно с ними и остальной всякий люд. Остального люду уложили много, а коммунистов недорубили – теперь мы последствия этого на себе и чувствуем. Когда началась хрущевская оттепель, эти самые коммунисты стали за границу ездить, и многие на словах орали про коммунизм, а сами уже мечтали о капитализме, благо это две стороны одной медали. А наши старые кадры они после XX съезда разгромили, как, кстати, и сейчас готовятся, и всю нашу систему подчинили ЦК. Сделать что-нибудь после этого злосчастного XX-го было уже невозможно. Люди были, но они сидели тихо, таились и думали. И вот сейчас, кажется, время приходит. Успесть бы только.

– Может, успеем?

– Честно говоря, не знаю. У нас многие все-таки привыкли партию безоговорочно слушать – все ведь уже после Хрущева пришли. Партия рухнет – они от нас побегут вместе с партией. Не потому, что люди плохие, а потому, что их ничему не научили, кроме того, как приказы партии исполнять. Останутся только те, кто сознательно служит не партии, а России – любой России, красной, белой, советской, монархической – а почему бы и нет?...

– Интересно говоришь, товарищ генерал-майор, – усмехнулся Гусев. А действительно, почему бы и нет? Я ведь, ты знаешь, сам из казаков, и об этом не раз задумывался.

– Правильно задумывался. И хорошо, что из казаков. А ты думаешь, почему тебя в органы взяли?

– А тебя почему?

– По кочану. Ты думаешь, я на исторический просто так поступал? Но давай сейчас об этом не будем – это долгая история... Самое главное – все изнутри прогнило, вся система. Боюсь, что отделения республик не избежать. Возможно, чтобы сохранить хотя бы собственно саму Россию, то, что сейчас называется РСФСР, придется на время отступить, хотя, я повторяю, если мы успеем, то этого еще можно будет избежать. Отступим, чтобы все вернуть назад. Не только Союз, но и все то, что было до Союза, и даже больше, дальше и раньше. Никто не представляет себе, как искажена история. Ее еще с XVIII-го века начали искажать – одна норманнская теория что стоит! – и нам сейчас бросили оскопленную версию. Сейчас кое-кто работает, восстанавливает. Но не все сразу. А теперь – к делу. В общем, есть такое мнение, что нам придется срочно идти в экономику. Комсомол весь уже там, а комсомол – их. Если мы так или иначе все не возьмем в свои руки, России не будет. Мы тебя сами привезли из Штатов – временно – а теперь съездишь сначала в Хабаровск, потом посмотрим куда – налаживать экономику, но и в Штаты тоже придется ехать снова. Это Георгий Александрович просил передать.

– Да, вижу. Ну что же, партия велела – комсомол ответил «есть». Надо будет, пойдем и мы. Кстати, пока там работали, кое-чему научились.

– Вот и хорошо. Хватит на сегодня, поехали звезду мою обмывать. А второй тост выпьем за то, чтобы Русь пить бросила. В этом он, пожалуй, прав, но только это на самом деле не

он, а Егор Кузьмич Лигачев. А информацию по смертности и рождаемости ему наш отдел готовил. Впрочем, погоди, Лигачева он уберет, и гуляй-рванина пуще прежнего понесется. Ладно, поехали.

* * *

Вернувшись из Хабаровска, Гусев снова погрузился в плотную, чуть угрюмую тишину лубяных кабинетов, в тишину явочных квартир, куда вроде как бы и без двери попадаешь из еще тогда таких же, как и тридцать, и сорок лет назад тихих московских дворики, и оказываешься среди казенной мебели, аппаратуры для прослушки, телевизоров и начавшей только появляться тогда электронной оргтехники. Распределять офицерские кадры по словно шампуньоны на московских бульварах вырастающим повсюду кооперативам, организовывать срочные курсы для них по основам экономических знаний – да только теперь совсем не в духе политэкономии социализма, отслеживать проникновение в эти кооперативы иностранцев и связанных с ними местных перекаати-поле из числа интеллигентов-неудачников, вдохнувших воздуха свободы и считающих, что теперь все можно, беседовать с зарвавшимися комсомольцами, так и норовящими сунуть на лапу, а затем предупреждать начальство и подшивать дело в комсомольские досье, но и заграничку при этом не забывать, переключаясь на связи новой, пока еще полуподпольной экономики с западными партнерами, («Лучше бы они ограничивались внутренним рынком, но ведь все туда лезут, кто еще пару лет назад гнилой Запад по всем собраниям в душу и в семь гробов крыл, поотрубал бы руки загребушие, но что поделаешь – приказ», – думал Гусев), да мало ли еще чем приходилось заниматься... Узнал-прознал Сергей Андреевич, насколько лживы и лицемерны были все эти первые и вторые секретари, десятилетиями клявшиеся в верности ленинскому знамени и идеям коммунизма, а теперь за полгода оборачивающиеся капиталистами или выстраивающими вместе с этими своими же капиталистами под прикрытием ленинских портретов оборотистые схемы выроста первоначального, из партийных же касс перетекающего к ним капитала. Похоже, тогда окончательно и понял – раз плоды гнилые, то и корень был дрянь.

Как-то само собой стал обращать внимание на маковки еще редких тогда по Москве церквей. Как-то зашел, постоял – впервые с тогда дня, когда бабушка в Новореченской в последний раз Великим Постом к причастию водила – а ночью вспомнил мокрый ветер, таявший в степи снег, лошадей, и до утра плакал подполковник КГБ, как маленький.

Символ веры, «Отче наш», «Богородице Дево», «Достойно есть» Гусев помнил измала, и никакая муштра и политпросвет не выбили – правда, затаилось все это где-то на самом дне.

Тем временем все происходило не совсем так, как об этом говорил в лесу Гусеву Игорь Сазонов, точнее, и так, и не так. По мере того, как партия уничтожала сама себя – а иначе, чем самоуничтожением все эти безчисленные создания ею разных, как их называли, неформальных организаций, прямо призывавших к ее свержению, но под ее же крылом и опекой, назвать было нельзя – она не только не разжимала своей хватки на горле тех, кто оберегал государственную безопасность, но еще больше ее сжимала. И если раньше партийцы безконечно требовали от органов влезать в то, что, вообще-то, никак не входило в их компетенцию, – в творчество писателей, в научные дискуссии, в философию, заставляли проводить никому не нужные, но только компрометирующие акции, вроде поджога мастерских художников и избиения в подворотнях их самих, после чего по всему миру газеты трубили о зверствах КГБ, и, надо признаться, многие сотрудники сами проявляли здесь неслыханное рвение, хватая на этих «операциях» звезды и премии, словно не думая, что рано или поздно призовут к ответу, и это будет справедливо, – то теперь они стали вообще запрещать что-либо делать, и все дела, в которых действительно просматривался почерк иностранных разведок, заставляли закрывать. Даже создавать свои кооперативы, внедряться в среду новоиспеченных банкиров, словом, пытаться взять под

контроль быстро растущую «вторую экономику» – при том, что «первая», государственная, где партия властвовала всецело, стала давать сбой за сбоем, – по сути, не давали, и приходилось действовать на свой страх и риск. А многие работники, особенно среднего возраста и пожилые, способные трудиться по 24 часа в сутки, но не привыкшие делать ни одного шага без указания ЦК, терялись и вместе с потерей себя начали терять и квалификацию. Неожиданно для самого Гусева – а в нем вдруг с одной стороны стало расти и ветвиться что-то совсем новое и в то же время очень старое, и, с другой стороны, росло раздражение и все более осознанная тревога от происходящего – он стал все чаще записывать происходившее и увиденное вместе со своими мыслями – дело, впрочем, для действующего работника органов довольно опасное.

* * *

17 мая 1990 г.

Раннее утро. По узкому шоссе из аэропорта города Северска, по лесотундре мчится черная «Волга». Рядом с водителем – человек лет 60, в дубленке, в характерной шапке «пирожком». За окнами машины мелькают низкие редкие лиственницы. Машина въезжает в город, скользит вдоль стандартного типа домов-пятиэтажек, въезжает в центр, останавливается у большого здания с колоннами и с красным флагом. Перед фасадом – голубые ели. Человек выходит из машины, заходит в здание, поднимается по лестнице, заходит в кабинет, закрывает за собой дверь. На двери табличка: «Первый секретарь областного комитета Коммунистической партии Советского Союза Чернецов Михаил Андреевич». Через минуту раздается выстрел. Еще через минуту дверь открывается, и оттуда выходят двое молодых людей. Быстро, один за другим, спускаются по той же лестнице. Здание обкома пусто – сотрудники еще не вышли на работу.

О происшедшем радио, телевидение, пресса молчали сутки. Но спецвыпуски ТАСС вышли мгновенно. С одной и той же версией – самоубийство – которую подтвердила семья Чернецова – жена Галина Васильевна и сын Игорь. Самым неожиданным, однако, было то, что пленум обкома состоялся на следующий же день, не дожидаясь похорон, которыми руководил уже новый первый секретарь Владимир Геннадиевич Матюхин. Гусев все это время был в Москве – он только что прилетел из Хабаровска и ждал дальнейших распоряжений. На следующий же день секретарша принесла ему закрытую сводку ТАСС – с красной полосой.

Сообщение ТАСС. 18 мая 1990 года. Вчера в 6.30. утра в городе Северске в своем кабинете pistolетным выстрелом покончил с собой первый секретарь Северского областного комитета КПСС тов. Чернецов Михаил Андреевич. По предварительным данным причиной самоубийства был поставленный ему накануне в Москве медицинский диагноз злокачественной опухоли на последней стадии. Сегодня на чрезвычайном пленуме областного комитета КПСС города Северска первым секретарем единогласно избран бывший второй секретарь обкома тов. Матюхин Владимир Геннадьевич. Урна с прахом тов. Чернецова М.А. будет завтра захоронена на городском кладбище г. Северска, как того пожелала семья покойного.

* * *

– Сергей Андреевич! Зайди ко мне. Дело есть.

Звонил начальник управления. Обычно сам он звонил редко. Звонила всегда секретарша. Значит, было нужно.

Гусев по привычке глотнул горячего чая, который всегда стоял у него на столе, поправил галстук, вышел, поднялся тремя этажами выше. Генерал-лейтенант, как всегда, сидел на табу-

ретке – была у него такая манера, не выносил стульев и кресел – говорили, что-то с позвоночником, но толком никто не знал, что.

– Ну вот, Сергей Андреевич, заканчивай дела свои в Хабаровске, слетай еще раз и оседай в Северске – на этот раз надолго. Похоже, там серьезная база готовится, причем с участием партийного руководства. – Чернецов вроде бы приличный человек...

– Да, приличный. Был. Но вот смотри: на следующий же день после смерти сел другой. Похоронить не успели. А нового первого прислали из Москвы – как второго – два месяца назад. Работал он, кстати, здесь в международном отделе – всего три месяца – а притащил его из комсомола. Карьера быстрая. Всего 38 лет. Из молодых, да ранних. Под тебя мы фирму организовали – «Аркос». Поедешь туда, лет на пять, а то и больше. Оттуда в Штаты летать будешь, там филиал. Ну, в Штатах ты все знаешь, и все связи остались. Только вот не Аризона, а Сиэтл. Тоже все готово и организовано. Проблема вот в чем. Северск сегодня – стратегическая точка. Не в военном смысле, а в нашем. Штатники там планируют под перестройку свободную экономическую зону организовать. В принципе это было бы можно, но только не под их, как ты понимаешь, контролем. А они все берут в свои руки. Кстати, имей в виду, скоро в Кремле перемены будут.

– В правильном направлении?

– Не сказал бы. Но и сказать, что совсем в неправильном, тоже не могу. Тут мы не властны. Все уже за нас решили. Задача такая – сидеть и не вмешиваться. Наше время придет. Понял?

– Так точно.

– Ну вот, а пока езжай в Хабаровск, закончи там все, через неделю возвращайся – и в Северск. Поедешь с семьей. Квартира там, хибара небольшая за городом – все готово. Здесь тоже – все остается. С бытовыми проблемами вопросов не будет. Но запомни – едешь как предприниматель. Кроме начальника областного управления, никто ничего не знает. Людями обеспечим. Жене твоей не привыкать ездить.

– Так точно, – только и оставалось сказать Гусеву.

Спустившись к себе, Гусев как-то неожиданно для самого себя потянулся за пачкой. Курил он редко, можно сказать, вообще не курил – ну раз-два в месяц, когда надо было крепко подумать, но в последнее время больше переходил на крепкий чай, хотя сигареты в столе лежали всегда. И тут – на вот, опять. Ну, да дело в общем не в этом... «Значит, в Кремле перемены... Это что же значит – Горбачева на пенсию. Или куда? А этот, новый, такое отмачивает – то его с самолета под руки тащат, то в Америке вокруг Статуи свободы танцует... Неужели он и будет? А, может, это так и надо?.. Тут приносили книги по теории хаоса – вот оно что же, и у нас сейчас... Кто-то ведь все это планирует, и хорошо планирует... Но почему нет приказа? Ведь за сутки все это разметать можно... А, может, и приказал не ждать... Все же рычаги есть...

Нет, с юности учили, что все по приказу. Но вот кто их отдает?

Гусев погасил едва начавшую куриться сигарету – все-таки почти некурящий – и забормотал себе под нос:

– Так... Матюхин... Матюхин... В ЦК работал.

Нажал на кнопку. Вошла секретарша.

– Наташа, у нас хотя бы фотографии Матюхина – Северского второго, впрочем, теперь уже первого секретаря где-нибудь не будет?

– На него ничего нет. Это же номенклатура ЦК.

– Да, знаю... – все это с каждым днем раздражало Гусева все больше. – Хоть фотография-то найдется где-нибудь?

– Фотография, может быть, есть. Сейчас посмотрю, Сергей Андреевич.

Наташа вышла. Гусев перелистал бумаги, что-то убрал в сейф.

Снова вошла Наташа:

– Вот, Сергей Андреевич, это Матюхин. Я могу идти?

– Да, можешь идти домой. Я тут еще посижу. Похоже, скоро у тебя будет новый начальник.

– Это что же, Сергей Андреевич?

– Да ты не волнуйся. Просто длительная командировка. Пока все в порядке. Пока... – задумался Гусев.

Когда Наташа ушла, он включил телевизор. Домой идти не хотелось.

Нельзя сказать, что все это смотреть было неинтересно. Радовали передачи, в которых по-новому представала русская культура, литература, в особенности, первой и второй волны эмиграции. Конечно, Гусев многое из всего этого читал и никогда не понимал, зачем все это было запрещать. С юности знал и любил Гумилева, Цветаеву, Набокова и особенно труды по русской истории – от Платонова до Вернадского. Интересно было читать и новые публикации – того же Льва Гумилева. Раздражали только сбежавшие советские журналисты, во мгновение ока становившимися антисоветскими и вот теперь с триумфом «возвращавшиеся на родину». Александра Ноева хорошо помнил по журналу «Молодой коммунист», помнил и то, что на него заводили уголовное дело за разглашение каких-то секретных сведений, но он быстро сообразил, что к чему, издал книгу в Америке и с триумфом уехал: делом его занимался параллельный отдел, но дело прикрыли, и троих человек даже уволили. И вот теперь он на экране – рассуждает о том, что в России всегда было только рабство и крепостничество, а большевики продолжали политику царей. «Если бы...» – подумал Гусев. Ноев вещал по телевизору уже третий вечер подряд. После него пустили хронику. Опять одни и те же лица – Афанасьев, Собчак, Попов. Все – про тысячелетнее рабство... А сменяют их коммунисты, причем показывают их так, словно камера нарочита искажает лица – косые, кривые, лупоглазые... И все у них одно и то же: «Не дадим поругать заветы Ленина...» Бабки какие-то перекошенные да раскоряченные, словно их специально подбирают. Вот и получается, что так не то, и там не то... Плохо только, что свои, с которыми вместе работал уже лет десять, вроде бы понимают, что происходит, а вроде бы и нет. Многие сочувствуют коммунистам, словно не видят, что время их уходит: марксизм не работал раньше, не работает и теперь. Только у Игоря Сазонова, кажется, в голове какой-то четкий план: Гусеву это нравилось, но прямо спрашивать даже у такого старого друга, как он, было не принято. В последнее время Сазонов приносил книги: Константин Леонтьев – «Византизм, Восток и славянство», Лев Тихомиров – «Монархическая государственность», собрания трудов евразийцев. Принес еще неведомо откуда – впрочем, ведомо, конечно – попавшую к нему рукопись молодого философа Александра Дугина «Конспирология». Там КГБ крепко доставалось, но много было правильного – по крайней мере, становилось логично, почему дела по явным врагам закрывали, а по тем, с кем было можно и нужно работать, работали – правда, совсем иными методами и на полную катушку – с Бородиным, Осиповым... Дело не в идеологии, а в том, что друг другу противостоят цивилизации, – объяснял Гусеву вслед за автором книги его друг Игорь, и Гусев был с этим согласен. Так, может, взять и завоевать, пока не поздно, пока это не сделали явные враги, стоящие за тем же Ноевым и кучей других, эту самую партию и взять все в свои руки...

– Подожди, рухнет сама, а мы сейчас не готовы. Брать надо сначала экономику, точнее, выбить ее у теневых дельцов, которые ей владеют уже лет двадцать, но не могут открыто об этом заявить, – говорил Сазонов, и Гусев ему верил – Игорь сидел на аналитике и владел информацией. – Езжай пока в Хабаровск, сдавай там дела.

В Хабаровске, за два дня до отъезда, у Гусева произошла странная встреча. На одной из центральных улиц он увидел старуху в темном платке – монахиня, не монахиня? – которая,

словно не обращая внимания на людской поток, кого-то искала глазами. Увидев Гусева, она резко направилась к нему и сама с ним заговорила:

– Сынок, только не беги. Ты человек погонный, тебе выпала доля собирать державу. С нынешнего года руководить страной станет человек, при котором начнут открывать храмы, но всем будет плохо, кроме воров. Люди еще раз переизберут его, но он не будет работать весь срок, а уйдет за полгода до отмеренного ему срока. После него наступит черед таких, как ты. Но послушай меня.

Она попросила наклонить голову и что-то сказала ему на ухо. А потом сказала вслух:

– Это главное.

После этого старуха перекрестила Гусева и со словами «Спаси Христос» растворилась в толпе, как будто ее и не было.

Август 1991, или, как его называли, «недоворот ГКЧП», Гусев провел в Северске. Прошедшее не было для него в новинку – событий этих давно ожидали, и реакцией на них была какая-то закоренелая, тупая усталость. Но когда назначенный в сентябре 91-го Председатель КГБ Бакатин начал резко сдавать американцам зарубежную агентуру, люди сами побежали из органов, начали устраиваться кто куда – некоторые вообще рвали старые связи, уезжали в другие города, лишь бы никто не знал – кто ты и откуда. Никто не понимал, что с этим делать, а главное – почему страну уничтожают с самого верха. Новый Президент, лихо забравшийся на танк в августе и словно так с него и не слезший, казалось, тоже вместе со всеми готов был пустить все вразнос, но что-то ему это сделать мешало: этим что-то было неслыханное, небывалое властолюбие, преследовавшее его словно болезнь. И люди, помогавшие ему эту власть держать, были ему нужны. Влиять на него было невозможно: сплотившийся вокруг него ближний круг был готов распродать вообще все и уехать за границу вместе с наворованным, но сам он из них никому не верил – а были это люди лихие, но неизвестно откуда взявшиеся, и часто даже просто не имевшие к России никакого отношения – а потому тех, кто все-таки, сжав зубы, оставался в «органах», Президент привечал. Игорь Сазонов был одним из них и стал даже отвечать за связи с президентской администрацией, а на вопрос «Тебе не противно?», тоже сжав зубы, отвечал что-то невразумительное. Он-то и посоветовал Гусеву тоже не уходить, а укрепляться и пересидеть в Северске, а потом, как он говорил, «начать собирать державу». Говорил, как ни странно, теми же словами, что и безымянная хабаровская старушка. Гусев это понял – он и сам видел, как его старые товарищи перебираются в разные новые экономические структуры, и там, где у других дела не клеились и все разваливалось, здесь начинала складываться новая, почти железная спайка людей, которые знали, кто есть кто и откуда, но об этом не говорили – порою даже и между собой. Когда приходилось бывать в Москве, Сазонов внушал ему: «Сейчас никуда не лезь. Коммунисты еще попытаются вернуть себе власть, за ними пойдет народ – сам знаешь, как его довели. Доводят сознательно, чтобы бросить под пули. Как все произойдет, ты сам и не заметишь, но все равно все дороги приведут к нам. И вот тогда ты будешь нужен». После чего передавал привет от Георгия Александровича – это было вроде пароля.

Поэтому, когда осенью 1993 разгоняли Верховный Совет, Гусев сидел у себя в Северске и делал вид, что ничего не происходит. Впрочем, он еще и видел, как ведет себя «Альфа» – формально выполнив приказ Президента, она остановила кровопролитие и не дала накачанному на убийство ОМОНу уничтожить белодомовских сидельцев. А с «Альфой» был связан Игорь Сазонов – Гусев это хорошо знал.

* * *

В американском Сиэтле в городском банке русские клиенты тогда еще были не так часты, тем более, клиенты высокого уровня. Поэтому, когда губернатор Северной области Владимир Геннадиевич Матюхин – полноватый мужчина лет пятидесяти, бывший секретарь обкома КПСС, явился открывать личный счет, обслуживали его на самом высоком уровне. Рон Мюллер, его партнер, сначала привел гостя к управляющему, где их уже ждал бизнес-ланч, и только потом – оформлять дела. Услужливый клерк сразу же обратился к Матюхину со словами *Your current and secret code*. Мюллер перевел и объяснил:

– Чтобы никто не имел возможность воспользоваться этим вкладом, достаточно в карточку вписать ключевое слово – пароль, который никто знать не будет.

Матюхин вписал в карточку слово «жена» и возвратил ее клерку, затем оба вышли и сели в машину.

Владимир Геннадиевич недавно женился вторым браком. Первая жена Матюхина, Нина, каким-то странным образом слегла и уже не встала – всего она болела недели три, и никакого диагноза врачи поставить не могли. О ней вообще мало кто что-либо знал: известно было только то, что Матюхин на ней женился еще в Высшей комсомольской школе. Детей у них не было. Валентина Николаевна, которую он всего через месяц после смерти Нины привез из Москвы, сразу же принялась за городские дела, почти впадая в раж: она возглавила благотворительный фонд, открывала школы, детские кружки – не было дня, чтобы не появлялась где-нибудь высокая, еще красивая светловолосая женщина, умевшая держаться и подать себя очень профессионально – если бы Гусев точно не знал, что они не коллеги, мог бы ее и заподозрить. Впрочем, из Москвы его предупредили, чтобы он держался от нее подальше и ни в коем случае не светился. Сказали также и то, что смерть Нины Матюхиной на контроле.

«Выходим на такие дела, а они там все не светиться, не светиться, все на контроле. Зачем они нас вообще держат – взяли бы да и распустили совсем», – такие мысли порой – и все чаще – лезли в голову. А тут еще и зарплаты стали в очередной раз урезать. Ну ладно, у Гусева было что-то от его бизнеса, на котором он формально сидел, а остальным как быть? Но даже и не в этом дело, а в том, что не нужны никому... «Ну хорошо, поддержали Президента в 91-м и в 93-м, а если и дальше так все будет? Может, и вправду взять все в свои руки... Ну ладно, возьмем, а потом... И что «соседи» из Генштаба делать будут? Но даже если получится, то какая будет власть, форма правления?» Все чаще задавал себе Гусев эти вопросы, и чем больше задавал, тем больше все становилось непонятно.

Отрадно было одно – чем дальше, тем больше покрывалась Россия православными крестами и маковками церквей. Приказа такого никто не давал – строить, словно росли они сами собой, из земли, и эта причудливая смесь того, чего быть не должно, и того, что должно было быть, уже очень давно тоже не давала смотреть на все только мрачно. «Может, что-то из этого всего еще и получится», – думал Гусев. Когда удавалось, ходил по воскресеньям в храм, а прошлым Великим Постом за тридцать пять с половиной лет впервые причастился. Когда исповедовался, всех грехов и не упомнил, но батюшка допустил его чаши сразу, только сказал, что в следующий раз будет уже построже спрашивать. А работа ведь и впрямь все на грехах стоит да на пороках человеческих. Но отец Иероним сказал: «Если не вы, то больше уже некому. Держитесь».

* * *

17.05.1995 Сов. секретно

Из Северска

Начальнику Управления ФСБ России генерал-лейтенанту Волкову А.С.

От закордонного источника «Татьяна» получена информация об открытии личного счета в одном из банков города Сиэтла губернатором Северной области Матюхиным Владимиром Геннадьевичем в виде «подсчета» на имя местного предпринимателя Рональда Мюллера. Паролем для получения денег является слово «жена», которое в карточку счета вписал сам Матюхин В.Г.

В связи с изложенным прошу проверить по учетам гражданина США – Рональда Мюллера, 1945 года рождения, уроженца штата Вашингтон, адвоката по профессии, владеющего русским языком, президента компании «Морские продукты Инк.», соучредителя с американской стороны российско-американского совместного предприятия «Мор-Си», специализирующегося на вылове и переработке морепродуктов.

Начальник отделения Управления ФСБ России
Полковник С.А.Гусев.

* * *

– Опять ответят «Работайте, все на контроле», – думал Гусев, выходя из машины, остановившейся у подъезда с табличкой «Аркас», и быстро поднимаясь по лестнице. Затем зашел в кабинет, где его уже ждали. Майор Савельев кратко доложил о прибытии теплохода «Забайкальск» из Сиэтла.

– Все, закончили – подвел итоги Гусев и обратился к Савельеву:

– Юра, есть что-нибудь из Москвы?

– Да, Сергей Андреевич. – Подал папку.

Гусев достал листок.

22.05.1995 Сов.секретно

Из Москвы

Начальнику отделения Управления ФСБ России полковнику Гусеву С.А.

Рональд Мюллер, 1945 года рождения, проходит по учетам как сотрудник американской разведки. Компания «Морские продукты Инк.» используется ЦРУ в качестве фирмы прикрытия.

Прошу совместно с территориальным управлением ФСБ России организовать проверку Матюхина В.Г. с целью выяснения основы его контактов с иностранцем.

О результатах проверки докладывать еженедельно.

Начальник управления ФСБ России
Генерал-лейтенант А.С.Волков

Дочитав шифровку, Гусев поднял глаза на Савельева. Тот улыбнулся. Гусев тоже – впервые за много лет из Москвы дали отмашку на конкретную разработку. И еще вспомнили одну необычную сотрудницу.

– Сергей Андреевич, я вспоминаю, как вы предложили нашей Вере идти в жены к этому – из Сиэтла, который приехал в Северск с одной целью – найти себе русскую жену. Видите ли, у них престижно стало. Честно говоря, я не очень верил в вашу затею, однако результативность работы «Татьяны», то есть Веры, доказывает вашу правоту.

– Давай-ка, Юрий Алексеевич, в воспоминания не вдаваться, а перейдем к сегодняшним нашим делам. Я беру на себя разговор с руководством областного управления ФСБ, а ты зайди

к начальнику отдела экономической безопасности. По Мюллеру будем работать с использованием всего комплекса сил и средств. Не нравится мне этот Мюллер.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

– Ладно, майор, каблуками только не шелкай, не пугай мою секретаршу.

Улыбаясь, пожали другу руки, и Савельев вышел из кабинета.

Редко удавалось последнее время Сергею Андреевичу посидеть дома, попить чаю с женой, просто отдохнуть. Когда удавалось, московское телевидение смотрели редко – и то только новости, надоела вся эта чернуха безконечная. А местное смотрели, тем более, что в Северске такого, как по московским каналам, не гнали. А тут еще и по частному телеканалу «Северск-ТВ» можно было про самого себя посмотреть. Вот, например, миловидная, но скромно одетая дикторша, четко выделяя слова, рассказывала: «Сегодня президент фирмы “Аркос” Сергей Гусев в очередной раз оказал поддержку дому престарелых, а также выделил средства фирмы на строительство первого в городе православного храма. Молебен был совершен архимандритом Иеронимом».

Анна Васильевна Гусева пожалала плечами.

– Сережа, зачем тебе все это? Выписал бы себе и своим сотрудникам премии. Цены растут, и деньги лишними не были бы. Тем более что мы всей семьей собираемся летом отдохнуть в Кисловодске, попить водичку, подлечиться.

– Знаешь, Аня, чего я боюсь? Погрязнуть в этом во всем. Я сторонник того, чтобы люди жили в достатке, но не в роскоши, которая убивает в человеке всё человеческое. Я, в конце концов, не на бизнесмена учился, а на разведчика. И еще: ты посмотри, как бедствуют пенсионеры, другие малоимущие люди. Наш Матюхин на полном серьезе выполняет идею этого Егора Гайдара о переводе северов на вахтовый метод работы и выдавливая лишних людей на «материк». Вот и попали северяне в ножницы – денег на переезд не дают, а социальные программы свернули. Как им жить? Вернее, выживать?

Жена неожиданно улыбнулась. Гусев вскипел:

– Что смешного я сказал? Нельзя же так, Аня!

– Сережа, не обижайся. Ты все правильно говорил. Я просто вспомнила предсказание, данное тебе в Хабаровске, и подумала: хорошо бы наш президент так же думал, как ты. Не ты ли его преемник? Может, и самом деле тебе в президенты пойти?

Гусев улыбнулся:

– Ну, во-первых, не от нас с тобой это зависит. А потом, с такой женой, как ты, поедешь в Москву, как же. Вспомни, что ты мне сказала тогда: «Можно, конечно, и президентом поработать, но в этой развратившейся Москве жить с детьми я больше не хочу». Как любой уважающий себя мужчина, я прислушался к мнению жены, и спокойно поехал в Хабаровск, а потом вот сюда. И правильно сделал. Четыре года прошло, а никаких признаков переезда не видно.

– Да, ты прав. В Москву ехать я не желаю, а спать еще как желаю. Пойдем, президент, спать.

– Пойдем.

Пару раз, правда, прилетал из Москвы Игорь – говорил, погостить, привозил книги.

– Сейчас без этого, – объяснял, – нашему брату нельзя. Еще года четыре-пять осталось, вот укрепимся, и тогда свое слово скажем.

– А какое слово-то говорить будем? Опять какую-нибудь партию к власти?

– Сначала сами, причем не важно кто, потому что руководить будем вместе, а потом... Впрочем, что я тебе говорю, сам уже давно догадаться должен. Давай пока об этом не будем. А то так все проболтаем. Привет тебе от Георгия Александровича и помалкивай. Пошли лучше за стол, а то твоя Анна нас уже заждалась.

На столе у Гусева черными корешками светились очередной том Константина Леоньева и «Народная монархия» Ивана Солоневича. Все предыдущее, что привозил Игорь, Сергей Андреевич уже прочитал и расчиркал карандашом. А там были не только русские дореволюционные и эмигрантские книги, но и разработки по современной западной экономике, политологии, философии. Долго живший за границей Гусев и раньше кое-что из этого читал, но теперь был повод еще и освежить знание языков, которым учили в академии.

* * *

– Кто знает, почему называется моржовый? Вот именно, никто не знает. А у меня есть. Подарили. – Владимир Геннадиевич Матюхин открыл шкаф и достал оттуда огромную кость размером с локоть – даже больше. – Он у моржа вообще не опадает, а только, когда не надо, уходит внутрь.

Заржал, а вместе с ним засмеялся директор совместного предприятия «Мор-Си» Василий Васильевич Мохов.

– Охотники наши привезли. А вот изделия из клыка. На заказ сделали. – Матюхин улыбнулся и достал резную статуэтку занимающейся любовью пары. – А вот еще. – Вторая статуэтка была на ту же тему, но в другой позе. – Ну ладно, к делу давай. Короче, сейчас мой помощник подготовит текст договора администрации области на добычу 10 тысяч тонн минтая. Расчет – как договаривались.

– Владимир Геннадьевич, ты же меня столько лет знаешь. Комсомолом руководили вместе, парторганизацией так же вместе. Хоть раз я тебя подвел? Все будет путем. Как условились. Минтай у нас, то есть, у «Мор-Си» японцы берут по 610 долларов за тонну. Ты, то есть администрация, отдает его по 530 долларов за тонну. Итого 80 долларов с тонны – это же 800 тысяч чистого дохода. Эти деньги японцы переводят на твой счет в Сиэтле, то есть, на счет Рона Мюллера. Твоих там 300 тысяч, наших с Роном – по 250 тысяч. Егор в Москве прикроет. Отдашь нам, Владимир Геннадьевич, лимит области на вылов крабов, так мы с тобой миллионы заработаем.

В дверь постучали и вошел помощник губернатора по экономике Иван Николаевич Федин, лет сорока, долговязый, светловолосый, в очках в мощной роговой оправе с папкой для бумаг в руках и, обращаясь к Матюхину, Федин сказал:

– Владимир Геннадьевич, договор готов.

– Давай сюда, будем подписывать.

– Знаете, Владимир Геннадьевич, я посмотрел цены. Японцы дороже берут минтай.

– Ты совершенно прав, Иван Николаевич – встрял Мохов. – Дороже они покупают минтай высшего качества, а у нас минтай – говно. Сам знаешь, снасти плохие, рыба повреждается.

– Понял.

С облегчением вздохнули по очереди Матюхин и Мохов, подписали, затем Мохов достал из кейса печать и сделал на свою подпись оттиск. Матюхин обратился к Федину:

– Иван Николаевич, поставь, пожалуйста, нашу печать и отдай один экземпляр Василию Васильевичу. Он сейчас зайдет к тебе, за работу отблагодарить. Да, и не забудь встретить в аэропорту этого Рона Мюллера. Насчет машины я распорядился. Отвези его в обкомовскую гостиницу, ну ты понял, в какую гостиницу – областной администрации. Никак не привыкну к новым названиям.

– Всё сделаю, Владимир Геннадьевич. Все будет в порядке. Как в лучших домах.

Федин взял документы, положил их в папку и вышел. Матюхин и Мохов остались вдвоем.

– Давай-ка, Вася, поаккуратнее с ценами. До греха так недолго дойти. Федин – кандидат экономических наук, мировые цены знает, как Отче наш.

– Так убери его на другую работу.

– Другой может молчать здесь, а говорить в другом месте. Нет уж, пусть лучше Федин нам с тобой говорит. Для нашей с тобой пользы.

Встретили Мюллера как надо. Машину подогнали прямо к самолету, сразу же – в ресторан, и только потом Федин повел его в гостиницу, где разместились в двухкомнатном номере, за зелеными шторами, за бутылкой французского коньяка.

Мюллер говорил по-русски с легким акцентом.

– Господин Федин, вы принесли мне документы, о которых я вас просил в мой прошлый приезд в Северск?

– Принес, – ответил Федин и начал открывать кейс.

Мюллер прижал указательный палец к губам, делая Федину знак, чтобы тот ничего не говорил, жестом пригласил пройти в ванную, открыл краны с водой на полную мощность, взял у Федина документы с грифом «Для служебного пользования», затем вынул пачку долларов и передал их Федину, который быстро засунул бумажки в карман.

На экране Мюллер отдает деньги Федину, раздается шум воды. Майор Савельев подошел к монитору, за которым сидел сотрудник с наушниками на голове.

– Ты посмотри на этого сраного профессионала из ЦРУ, – хохотнул Савельев. – Не уважает он нас. – Обратился к сотруднику: Добавь, Витя, звук, пожалуйста, и включи очистку от помех.

Витя что-то покрутил и на всю комнату раздался голос Мюллера:

– В следующий раз принесите мне документы, которые к Вам приходят из Москвы, из Правительства. Особенно те, что имеют отношение к США, ну и к Англии, если есть. Заплачу хорошие деньги. Федин кивнул головой.

– Шас, разогнались. – с ехидцей в голосе произнес Савельев. – Эти-то документы сочиняли почти месяц. В целом можно сказать, что операция прошла успешно. Пойду готовить шифровку в Москву.

10.06.1995 г. Сов. секретно

Из Северска

Начальнику Управления ФСБ России генерал-лейтенанту Волкову А.С.

В результате проведенного комплекса агентурно-оперативных мероприятий с использованием средств объективного контроля установлено следующее.

Губернатором области, Матюхиным В.Г., оказывается протекция в деятельности СП «Мор-Си». Им лично получены лимиты на добычу минтая в количестве 10 тысяч тонн и переданы генеральному директору «Мор-Си» Мохову В.В. По оценкам экспертов в результате данной сделки у государства будет похищено порядка 700-800 тысяч долларов США. О поступлении денег на счет Матюхина в городе Сизтле будет доложено дополнительно.

В ходе состоявшихся встреч губернатора с гражданином США Р.Мюллером в контролируемом помещении Матюхин рассказал Мюллеру о совещании, проведенном в Москве председателем правительства и принятых не нем решениях, в том числе по закрытым вопросам. Матюхин довел до Мюллера информацию о своих хороших взаимоотношениях с руководством правоохранительных органов области, которые достигнуты им благодаря оформлению их близких родственников в акционеры наиболее рентабельных золоторудных компаний.

Со сводкой звукового контроля ознакомлен начальник областного управления ФСБ России. Прошу санкционировать заведение на Рональда Мюллера проверочного досье «Рыбак».

Начальник отделения Управления ФСБ России

Полковник Гусев С.А.

– Принесите чаю, Галя, – обратился Гусев к секретарше.

Через две минуты две чашки были уже на столе.

Кабинет как кабинет. Только недавно в углу появилась маленькая, почти незаметная икона преподобного Сергия Радонежского.

Раздался стук. Гусев со словами «Входи, жду» вышел из-за стола и пошел навстречу вошедшему в кабинет Федину. Пожал руку.

– Молодцом, Иван Николаевич, сделано все, как нас учили, то есть в лучшем виде.

– Это ты молодец, Сергей Андреевич. Должность мне подобрал, ну прямо в яблочко. Стреляй – не промахнешься. Все воруют. Губернатор, естественно, больше всех. Золото и рыба. Все под контролем, отовсюду капает, я бы сказал: ручей течет, зеленого цвета. Вот, кстати, выручку могу сдать, – Федин протянул Гусеву пачку долларов, которые дал ему Мюллер.

– Ладно, оставь себе. Путь это будет вместо премии.

– Нет, не могу я. Не приучили.

– Разрешение из Москвы есть тебе премию выписать. Ты сейчас возьми, а потом мы тебе в зарплату оформим.

– Ну ладно, раз ты говоришь, возьму, сам знаешь, как живем. Я тебя, Сергей, давно хотел спросить. Материалов о воровстве, коррупции мы направляем в Москву пачками. Но что-то не слышал ни разу о громких процессах по этим темам. Может напрасно трудимся, здоровье теряем, да чего говорить – и жизнью рискуем? Что скажешь, шеф?

– Я могу сказать, как сам понимаю обстановку. Олигархи, подпирающие сегодня Президента, что они делают? Отвечаю: приватизацией занимаются, причем, самых высокодоходных, рентабельных предприятий. Разворовывают Россию. Сами готовы всё туда отдать с потрохами, и отвалить. Говорят, что строят капитализм. А ведь еще вчера партбилетами махали. При такой обстановке вылезать с материалами о коррупции было бы самоубийством. Вот и идет сейчас процесс накопления информации, создается база данных на воров, коррупционеров, предателей национальных интересов. Поверь мне, Ваня, придет наше время, получим мы команду «ФАС», а кого нужно рвать на куски – мы с тобой знаем.

О многом Гусев уже знал и больше, если не знал, то догадывался, а если не догадывался прямо, то ведь не зря же ему Сазонов книжки возит. Но говорить обо всем этом было нельзя даже со своими. А Федин продолжал недоумевать:

– Мы-то знаем, вот встретил я на днях парня, бывшего сотрудника отдела экономической безопасности из ФСБ, так он рассказал, как хорошо устроился на гражданке, получает раз в десять больше, чем в конторе. Сейчас, глядя на него, а так же из-за неверия в нужность своей работы, написали рапорта с просьбой об увольнении еще семь оперов, почти половина его отдела.

Началось все это с Бакатина, а на самом деле еще раньше. Сдал американцам заграничную агентуру – дескать, у нас теперь демократия, врагов нет. Да никто никогда агентуру не сдает. Даже перебежчики. Александр Орлов (Лейба Лазаревич Фельдбин)-бывший резидент ГРУ в Испании – сбежал от сталинских чисток в США. Умер в 1973 году. Знал всю Кембриджскую пятерку. И еще много кого. Не сдал ни одного агента. Если человек с нами по идейным соображениям расходится, это его дело, его можно и уважать, а вот когда людей сдают – дело последнее. Только Калугин предателем стал, и вот Бакатин. С него и начали уходить люди – почувствовали, что их не защищает собственное начальство. Сейчас хотя бы это прекратилось. Но и людей не вернешь, и сколько тем, кто остался, платят, не пожелаешь никому.

– Что тут говорить? Большинство сотрудников работает, потому что патриоты, государственники, за Державу обидно, а денежное довольствие ведь, в самом деле – курам на смех.

Тех, кто уходит, чтобы заработать, жить в достатке, язык не поворачивается осуждать. Семьи у всех.

- Честно скажу: еще год-другой, и я уволюсь. Не хочу работать на полку.
- Не отчаивайся, Ваня. Наше время придет.
- Надеюсь, скоро.
- Я тоже надеюсь. А пока что лечу в Америку, в Сиэтл.

Гусев подошел к окну. Стояло короткое северное лето, но все было серым-серо, как осенью – даже у стен его офиса появилась помойка. «Вот уже загадили всю страну, – про себя усмехнулся Сергей Андреевич. – Вычищать сил не хватит... А, может, не вычищать надо, а дать людям идею. Церкви вон открываются, а ведь и в государстве должно быть так, как Церковь всегда учила. Как там – “четвертому не быть”... Православие, народность, и – что там еще?»

* * *

На следующий день Гусев был уже в Сиэтле, где его встретил на своей «Хонде» руководитель представительства фирмы «Аркос» подполковник Алексей Лавренев. Гусев как-то поновому вглядывается в очертания города, где часто бывал и раньше. Вслушивается в рассказ Алексея Ивановича:

– Как вы, Сергей Андреевич, посоветовали, мы установили в кабинете нашего финансового советника Эндрю Фишера две скрытых камеры и выяснили, что он сбрасывает нашу информацию на свои дискеты и тащит с собой. Я поручил ребятам протопать следом за ним. Пришел Эндрю в кафе в соседнем квартале, сел перекусить. Подсел к нему мужичок, попил кофейку, получил скрытно дискету и пошел. Мои топтуны за ним. Клиент, не проверяясь, прямохонько притопал в местное отделение ФБР. Вывод: наш американский друг – фэбээровский стукач.

- К беседе с ним всё готово?
- Йес, оф кос, шеф.
- Что новенького на «Боинге»?
- «Боинг» на подъеме. Весь город живет для «Боинга» и благодаря «Боингу». Очередь на покупку его самолетов расписана лет на тридцать вперед.
- Понятно. Только мне не бизнес-план завода нужен, а что новенького вам удалось «позаймствовать» для нашей авиационной промышленности?
- Извините, Сергей Андреевич, на этот раз – не густо. Но кое-что любопытное есть. Покажу в офисе.

Когда приехали в офис фирмы «Аркос», Лавренев сразу включил монитор, и на нем поехала картина с двух ракурсов: Эндрю Фишер вставляет в дисковод дискету, совершает манипуляции на клавиатуре, достает дискету и кладет ее в карман.

– Пора бы уже, – сказал Гусев.

Ждать долго не пришлось. На втором ракурсе Лавренев вышел из кабинета, затем было видно, как он, в сопровождении двух крепких сотрудников фирмы, вошел в кабинет американца. Они о чем-то говорили, затем Фишер достал дискету и отдал ее Лавреневу, а сам с видом обреченного сел в кресло. Лавренев сел на стоящий рядом стул, жестом руки отпустил своих сотрудников и завел беседу с Эндрю, который нехотя начинает:

– Полгода назад ко мне домой приехал сотрудник ФБР и предложил сотрудничать с ним. Он пояснил, что русская мафия угрожает национальным интересам США, поэтому долг каждого американца оказывать помощь в организации выявления и противодействия этим угрозам. Я спросил офицера: «Фирма “Аркос”, в которой я работаю, тоже принадлежит русской мафии?» На что он ответил, что такими данными ФБР не располагает, но хотели бы с моей

помощью разобраться. От меня требовалось делать копии финансовых документов и договоров с «Аркос» с партнерами. За эту информацию мне обещали хорошо платить, плюс ФБР брало на себя оплату моих ежегодных налогов. Такое предложение показалось мне заманчивым, и я согласился.

Фишер помолчал и обреченно спросил:

– Мистер Лавренев, вы меня уволите?

– Знаете, Эндрю, вас надо бы уволить. Однако в связи с тем, что у нас, как вы успели заметить, серьезная, законопослушная компания, нам нечего бояться ФБР, поэтому мы вас оставим на работе. Но при одном условии.

– Каком?

– Вы будете продолжать делиться с ФБР информацией о нашей компании – под нашим контролем, естественно, получая за это деньги в ФБР и за свою работу у нас, но в случае постановки перед вами офицером ФБР каких-то новых задач, касающихся «Аркос», вы нам об этом скажете. Согласны?

– Согласен. Я вам очень признателен, мистер Лавренев, за доброе ко мне отношение.

– Я считаю, Эндрю, что в ваших же интересах, чтобы о нашей договоренности никто ничего никогда не узнал. Окей?

– Окей!

Фишер закрыл за собой дверь, кассета закончилась. Лавренев врнулся в кабинет к Гусеву. Тот молча перемотал кассету, достал ее из видеомагнитофона, положил в свой кейс, потом поднял глаза на напряженно ждавшего Лавренева, улыбнулся, пожал ему руку и обнял.

– Поздравляю с очередным приобретением, и весьма полезным.

– Спасибо, Сергей Андреевич! Реализация моя, но идея операции ваша. Так что с меня магарыч.

– Нет никакого желания... возражать.

Тут же отправились в небольшой ресторанчик на окраине – Гусев, Лавренев и еще два сотрудника, бравшие с поличным Фишера. Выпитое подогрело, пошел разговор уже за жизнь.

– Знаете, Сергей Андреевич, что меня поражает здесь больше всего? Это поощрение властями, полицией системы доносительства. Специальный полицейский канал круглые сутки инструктирует американских граждан, на что следует обращать внимание в поведении соседей, сослуживцев, как выявлять наркодельцов, убийц, беглых преступников и т.д. Все стучат на всех. Сосед на соседа, брат на сестру, сестра на брата, дети на родителей, родители на детей, муж на жену, жена на мужа. Я родился в 63-м, пика этого всего не застал, но по описанию в книгах очень даже похоже.

– Да нет, не похоже. Я тут воспоминания Льва Тихомирова прочитал – был такой человек интересный, бывший революционер, а потом царю служил верой и правдой. Так он в вагоне с одним австрияком ехал, ну разговорились, где свободы больше. Лев Александрович ему и говорит: «Вы можете болтать все, что хотите, зато мы можем все, что хотим, делать». Мы – в смысле русские. Я не про нас с вами говорю. Мы сейчас как раз почти ничего не можем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.